

местным населением, знали нравы, низовую культуру, обычное право, распространенные в среде их паствы. С одной стороны, их воззрения и юридические определения и решения, вынесенные на основе канонического и светского права, имели значение для всех византийских правоведов, вошли в золотой фонд византийской юриспруденции и как науки, и как практики. С другой стороны, эти писатели отразили в своих трудах местные, зачастую уникальные в пределах бывшей Византийской {590} империи культурные тенденции, обычаи и нравы, выступая, таким образом, помимо прочего, также в роли бытописателей-краеведов.

Не случайно и то, что крупнейшие архитектурные памятники Эпира были созданы также в первый период истории Эпирского царства и явно представителями константинопольской и фессалоникской школ, хранившими комниновские традиции. По-видимому, приверженность к художественным нормативам XII в. имела и здесь политический оттенок (деспоты Эпира также вели свой род от Комнинов). Аристократическое, традиционное (комниновское) направление в эпирской живописи сохранялось, пожалуй, на еще более высоком уровне, чем в зодчестве.

Расположенный между Фессалоникой (в 1224—1242 гг. ею владела эпирская династия), Болгарией, Сербией, Пелопоннесом (занятым в XIII в. латинянами) и Адриатикой, Эпир играл в известной мере роль культурного посредника между Юго-Восточной и Западной Европой, между византийцами, славянами, итальянцами и франками. Эпир оказался хранителем и древней, и современной ему византийской культуры, являясь вместе с тем очагом созревания тех новых тенденций, которые в полной мере раскрылись в палеологовскую эпоху. Иначе говоря, и эпирская культура, как и никейская и трапезундская, в силу ее многовековых традиций в целом развивалась в общевизантийском русле.

Гораздо более сложным, неоднозначным и многообразным стал культурный процесс в Латинской Романии. Как известно, в эпоху средневековья покровительство, материальная поддержка, заказ верховной государственной власти, придворных кругов и светской и духовной аристократии играли огромную роль в развитии культуры, особенно элитарной. Вкусы меценатов не могли быть оставлены без внимания деятелями и мастерами литературы, науки и искусства. Так было и в Никее, и в Трапезунде, и в Эпире. Латинская Романия состояла из множества государств, которыми правили и франки, и итальянцы, и каталонцы со своими культурными традициями. Крупнейшими из латинских государств (сроки существования которых были весьма различными) являлись Константинополь с округой, франкская Морья, Афино-Фиванское герцогство. Каталонское княжество, венецианский Крит, Кипр, Родос и др. И в каждом из них судьбы культуры, зависевшие от соотношения местного и пришлого населения, от политики властей, от внешних влияний, были далеко не одинаковыми.

Соответствующая глава первой части данной книги представляет собой первый в советской историографии опыт обобщающего рассмотрения судеб западной (латинской) культуры на византийской земле и судеб византийской культуры на захваченных латинянами территориях. Здесь, в Заключение, мы коротко остановимся именно на судьбах византийской культуры там, где высшая власть принадлежала представителям иной (западной, католической) цивилизации.

Осуществленный в 5-й главе анализ показал, что такие явления, как сплав (синтез) культур и возникший в результате этого ее новый, оригинальный облик, преобладание западноевропейских черт сравнительно с византийскими в материальных и письменных памятниках или, напротив, преобладание византийских черт и, наконец, сохранение византийских традиций практически не затронутыми латинским влиянием, не зафиксированы все вместе или в большинстве одновременно в одном и том же, под-{591}властном западным рыцарям регионе. В целом можно, по-видимому, заключить, что до середины XV в. ни в одной из захваченных латинянами провинций западная культура не была принята в качестве господствующей местным населением, даже его высшими слоями — греческой знатью. Крайне ограничено число известных науке фактов, которые можно было бы истолковать как свидетельство глубокого, органического синтеза культур. Следы латинского влияния очевидны, прослеживаются без труда, но почти полностью отсутствуют созданные византийцами памятники литературы или искусства, в которых преобладали бы черты «чуждой», заимствованной культуры. В целом следует, видимо, считать справедливым наиболее общий вывод: во всех частях Латинской Романии и синтез и взаимодействие двух культур неизменно совершались на базе местной византийской культуры; при постоянном, даже самом интенсивном, влиянии Запада культура Латинской Романии оставалась в своей основе, в ее главном облике культурой византийской.